

НОВАЯ ГАЗЕТА

СМОТРИТЕ КТО • ОБЩЕСТВО

«Это не наш гусь»

Портрет Татьяны Арамилевой — чиновницы, которая борется с Красной книгой

Татьяна Арамилева. Фото из журнала «Охота и охотничье хозяйство»

11:57, 4 августа 2025,

Валерия Федоренко

собкор «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

26 июня стало известно, что Минприроды **передало** департаменту охоты полномочия по ведению Красной книги. А за месяц до этого департамент **возглавила** Татьяна Арамилева, бывшая президент Росохотрыболовсоюза — крупнейшей в стране ассоциации охотников.

В научном и природоохранном сообществах оба эти события вызвали резкую критику: Арамилева известна очень специфическим взглядом на охрану редких животных. «Что такое Красная книга? В моем понимании, это пассивный инструмент защиты биоразнообразия. Что такое охота? Это активный инструмент защиты биоразнообразия», — говорила она на Петербургском международном юридическом форуме 21 мая 2025 года, за неделю до своего назначения в министерство.

Собеседники «Новой» считают позицию Арамилевой либо неискренней, либо оторванной от российской реальности. Они указывают, что в России охотничьи хозяйства склонны преувеличивать количество животных на своих территориях, чтобы продавать больше квот на отстрел — о реальном сохранении или преумножении популяций речи не идет. Экологи также замечают, что Татьяна Арамилева была помощником депутата Госдумы Владислава Резника, который является лоббистом трофейной охоты, не имеющей хозяйственной цели, а нужной лишь, чтобы потешить самолюбие охотника.

Как бы то ни было, Красная книга оказалась в распоряжении одного из своих главных критиков.

«Новая газета» рассказывает, кто такая Татьяна Арамилева — человек, от которого теперь зависит судьба редких животных, растений и грибов в России.

Дело семейное

Удивительно, но официальной биографии главы департамента развития охотничьего хозяйства в Сети нет. Из собранного по крупицам: родилась в 1958 году на Командорских островах и, если верить одной из хвалебных [публикаций](#), «ползать начала на огромной шкуре камчатского медведя». Отучилась на охотоведа, работала в зверосовхозе, а в 2009–2012 годах возглавляла управление по надзору за использованием объектов животного мира Приморского края.

Бывший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции РАН, кандидат биологических наук Виктор Лукаревский работал с Татьяной Арамилевой в бытность ее приморской чиновницей и говорит, что сейчас она не изменилась, даже стала жестче.

— Я знаю семью Арамилевых примерно с 1997 года, — говорит Лукаревский. — Познакомился с ними во Владивостоке на Международной конференции по сохранению дальневосточного леопарда. Я их тогда мало знал, но меня вовлекла в проблемы леопарда и амурского тигра Наталья Моралева, на тот момент руководитель дальневосточного отделения WWF*. Тогда вокруг WWF собралась достаточно интересная группа — некий актив серых кардиналов: биолог-охотовед Павел Фоменко, кинодокументалист Василий Солкин, Владимир Арамилев и другие. Они имели огромное влияние и на политику WWF, и на управление охотничьего хозяйства Приморского края. Татьяна Арамилева уже тогда выступала в поддержку охотников и активно защищала их интересы. Из-за этого мы в итоге вчистую разругались с этим семейством.

Виктор Лукаревский. Фото: соцсети

Лукаревский вспоминает, что в 2010 году Арамилева инициировала заседания комиссии по редким видам, которые фактически курировал Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН.

— Вопросом стало выведение из Красной книги аборигенной популяции пятнистого оленя, которая сосредоточена на юге Сихотэ-Алиня, в Лазовском заповеднике и на прилегающих территориях, — продолжает он. — Я выступал на этом заседании основным оппонентом. Вся комиссия единогласно поддержала мою точку зрения, все были против исключения аборигенной популяции пятнистого оленя из Красной книги. Татьяна Сергеевна обосновывала свою точку зрения тем, что, во-первых, популяция, сохранившаяся в Лазовском заповеднике, якобы едина с популяцией юго-западного Приморья. Она говорила, что численность пятнистых оленей

выросла, и потому нет необходимости в их охране.

Но на самом деле основной мотив исключения из Красной книги и перевода пятнистого оленя в промысловые виды был достаточно прозрачен. Эксперты предполагали, что она могла лоббировать интересы охотников.

По словам Лукаревского, вблизи Лазовского заповедника находилось охотничье хозяйство, которое принадлежало Институту устойчивого природопользования, фактическими владельцами которого он называет Арамилевых.

— На той территории пятнистый олень был достаточно обычным объектом, — подтверждает ученый.

Его коллеги предполагают, что целью был доступ к «эксплуатации» оленя как ресурса для добычи.

Исключение аборигенной популяции пятнистого оленя Приморского края из Красной книги произошло позже — в 2021 году, когда Арамилева уже возглавляла Росохотрыболовсоюз. В десятых годах его удалось отстоять.

— Я не могу назвать Татьяну Сергеевну эрудированным или владеющим глубокими знаниями специалистом. Но у нее есть очень интересное умение — достаточно громко отстаивать свою точку зрения, выучив несколько правильных словосочетаний и

умело ими пользуясь.

Она активно использует научную терминологию, тем самым придавая своим словам некую «экспертность», — заключает Лукаревский.

При этом стоит отметить, что вся семья Татьяны Арамилевой — из экологического сообщества. Ее отец Сергей Мараков — охотовед, зоолог, кандидат географических наук. Бывший муж Владимир Арамилев — директор Лазовского заповедника. А сын Сергей возглавляет центр «Амурский тигр», который отвечает за сохранение в России редкого хищника.

Владимир Арамилев. Фото: соцсети

Такие семьи в России называют династиями. Часто о них говорят с придыханием. Но Арамилевых в природоохранной

среде скорее критикуют:

- В апреле этого года Лазовский заповедник оказался в центре скандала из-за массовых увольнений сотрудников научного отдела: зоологов, изучавших амурских горалов и тигров, сократили, **предложив** им должности уборщиц и слесарей. В «Экспертном совете по заповедному делу» после этого **заявили**, что заповедник просто не сможет исполнять возложенные на него государством исследовательские функции. Но Минприроды проблемы в этом **не увидело** и ответило на коллективное письмо 49 ученых и сотрудников охраны природы обыкновенной отпиской.
- А «Амурский тигр» зоологи периодически **критикуют** за предоставление оптимистичных отчетов о состоянии популяции хищника и среды его обитания. Ученые считают, что центр пытается угодить Владимиру Путину, относящемуся к тиграм с личной симпатией. И потому его специалисты скрывают, что хищникам не хватает пищевых ресурсов из-за масштабных рубок леса — именно из-за этого, отмечают они, тигры **идут «охотиться»** на собак и скот в дальневосточные села.

— Татьяна Сергеевна — дочка Сергея Маракова, известного охотоведа, преподавателя Кировского Всесоюзного научно-исследовательского института. Он выпустил огромную плеяду охотоведов. А в России, и не только в России, охотничье лобби имеет огромное влияние на власть. Я слышал очень много очень хороших отзывов про ее отца, но, похоже, она не его копия. Однако она пользуется его связями, — замечает Виктор Лукаревский. — Через WWF в свое время осуществлялся целый ряд мероприятий: например, они приложили усилия к созданию практически всех национальных парков Дальнего Востока. Они инициировали создание специнспекции «Тигр» в 1990-х годах. И на том этапе Татьяна Сергеевна заработала большие очки в природоохранном сообществе. Но если на своей предыдущей должности она служила выразителем интересов

охотников, то теперь будет отвечать, скажем так, и за законодательную часть. И я думаю, что ее назначение на должность директора департамента и передача ведения Красной книги приведут к тому, что мы через год-два узнаем об исключении оттуда многих популяций редких видов.

Татьяна Арамилева. Фото: соцсети

«Единственный вид отдыха»

После перехода Татьяны Арамилевой в Минприроды на охотничьих ресурсах началось ликование. «Она попробовала все проблемы нашего многострадального охотничьего хозяйства — от промысла в труднодоступных дальневосточных регионах до выведения из Красной книги видов, достигших критической промысловой численности», — [писал](#) главный редактор «Русского охотничьего журнала» Михаил Кречмар. В

своей статье он упомянул аборигенную популяцию пятнистого оленя в Приморском крае, вычеркнутую из краснокнижного списка в 2021 году — ту самую, за которую боролся Виктор Лукаревский.

Однако это — совсем не единственный пример лишения животных охранного статуса. При составлении обновленной редакции Красной книги региональные министерства природных ресурсов и Росохотрыболовсоюз добивались исключения из нее — или невключения в нее вопреки рекомендациям ученых — полутора десятков видов: гималайского медведя, серого гуся, серой утки, кавказской серны, кавказского благородного оленя, сибирского горного козла и других.

Обоснования этому приводились весьма эмоциональные. В частности, несмотря на сокращение численности гуменников с 2012 по 2016 годы с 386 тысяч особей до 189 тысяч, Росохотрыболовсоюз настаивал: «Внесение гуменника в Красную книгу может неблагоприятно сказаться на социальной обстановке в Дальневосточном регионе, так как весенняя охота для охотников — единственный вид отдыха в условиях нынешнего непростого экономического состояния в стране».

Виктор Лукаревский. Фото: соцсети

А вопреки научным данным о сокращении численности серых гусей с начала 1990-х годов в два раза, министерство экологии Омской области писало: «Включив серого гуся в Красную книгу, мы поставим охотников перед выбором: увидеть налетающего серого гуся и проводить его взглядом или поддаться охотничьему инстинкту и, добыв его, предстать перед законом». Росохотрыболовсоюз эти доводы поддержал, отметив, что серого гуся «сложно отличить» от других видов, на которые ведется охота.

— Да они, охотники, воробья от страуса не отличают! — язвит в разговоре с «Новой» орнитолог Софья Розенфельд. — Но эта проблема ведь существует не из-за Красной книги, а потому, что сами же охотничьи департаменты упразднили охотминимум, лекции не читают, ничего не делают. Вот и проблемы возникли. Так что отличать воробья от страуса им и не требуется теперь.

Вместо того чтобы заниматься образованием охотников, они говорят: нет, давайте мы просто отменим Красную книгу. Вот и вся логика.

Софья Розенфельд. Фото: соцсети

Отдельные популяции гуменника и серого гуся ученым все-таки удалось внести в Красную книгу России. Но Татьяну Арамилеву такое «половинчатое» решение не устроило. Выступая на Петербургском международном юридическом форуме, она вновь вернулась к серым гусям: «Это не наш гусь. Это миграционный вид, который пролетает над территорией Российской Федерации. И вот у нас есть Нижегородская область, там серый гусь — краснокнижный. А в Кировской области он не краснокнижный. И я всегда задаю такой вопрос: охотник охотится в Кировской области, но недалеко от границы Нижегородской; он подбивает гуся; гусь-подранок планирует и падает на территорию Нижегородской области. Этот гусь краснокнижный или нет?»

Это рассуждение собеседники «Новой» в природоохранном сообществе воспринимают с горькой иронией:

— Хочется посоветовать такому охотнику только одно: отойти от границы регионов на сто метров.

С кошельком наперевес

Но серым гусям, можно сказать, еще повезло: их взяли под охрану хотя бы частично. А вот гималайские медведи в Красную книгу не попали. Даже несмотря на то, что ученые прямо заявляли: численность этих животных в России неизвестна, но точно невысока, а их места обитания уничтожаются лесорубами.

Причина, вероятно, в том, что гималайские медведи интересны совсем не простым охотникам. Их добывают состоятельные люди ради шкур и черепов. За попытку — в том числе безуспешную — убить одну особь платят до 700 000 рублей.

Клуб горных охотников. Фото: kgo-club.ru2

И к трофейным охотникам Татьяна Арамилева очень близка. На посту президента Росохотрыболовсоюза в 2013 году она сменила Эдуарда Бендерского. Уйдя в отставку, он создал «Клуб горных охотников» — элитную организацию, членами которой стали депутаты Госдумы Николай Валуев и Владислав Резник, бывший помощник президента Сергей Ястржембский, один из основателей «Каро фильм» Олег Андреев, бывший замминистра природных ресурсов Владимир Мельников, зампредседателя Магаданской облдумы Игорь Донцов, мэр Ярославля Артем Молчанов и другие. Организация специализируется на трофейной охоте, что [прямо указано](#) на ее сайте. С Росохотрыболовсоюзом они остались соседями — «Клуб горных охотников» располагается в том же здании на Головинском шоссе в Москве, но двумя этажами ниже. Татьяна Арамилева вручала членам «Клуба горных охотников» награды за подстреленных медведей, рысей, лосей, снежных баранов,

маралов, косуль и других животных.

Бендерский и Арамилева подписали и [письмо](#) против включения в Красную книгу сибирского козерога, кавказской серны, дикого северного оленя, которых называли «обычными охотничьими животными». «Данное решение крайне негативно скажется на притоке инвестиций в регионы. Сегодня развивающийся охотничий туризм является важным фактором создания рабочих мест и инфраструктуры», — писали они. Ни одно из названных животных в итоге не вошло в Красную книгу России — лишь у дикого северного оленя в нее включили ангарскую популяцию, хотя численность этих животных сокращается во всех регионах.

Михаил Крейндлин. Фото: соцсети

Характерно, что главы Росохотрыболовсоюза и «Клуба горных охотников» апеллировали к зампреду правительства

Александру Хлопонину. А до этого Бендерский написал личное письмо чиновнику, попросив разрешить отстрел пяти краснокнижных путоранских баранов — за это он обещал выделить на изучение вида 15 млн рублей.

— В тот момент Хлопонин был вице-премьером, курирующим вопросы природопользования. Был ли он сам трофейным охотником, я не знаю. Но он благосклонно отнесся к этому вопросу, — говорит эксперт по особо охраняемым природным территориям Михаил Крейндлин. По его словам, несмотря на то что Хлопонин идею **поддержал**, реализовать ее помешал прямой запрет на охоту на краснокнижных животных. — Я не могу однозначно сказать, как назначение Татьяны Арамилевой на должность главы департамента повлияет на предпочтения трофейным охотникам, но с учетом ее заявлений не могу исключить, что попытки вычеркнуть интересные для охотников виды из Красной книги продолжатся.

Убить, чтоб сохранить

Сама Татьяна Арамилева, правда, настаивает: она продвигает охоту именно из-за любви к животным, в том числе — к редким.

«Что касается охоты на животных, занесенных в Красную книгу, важно понимать, что недопустимо автоматически связывать категории «красного списка» с определенным правовым ответом — например, с запретом всех видов охоты на все виды животных, которые находятся под угрозой исчезновения. Охота может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на популяцию», — сказала она на Петербургском юридическом форуме.

Татьяна Арамилева. Фото: соцсети

Уточнять, как именно добыча редких животных помогает их сохранять, Арамилева не стала. Но вместо нее это сделал присутствовавший на сессии депутат Госдумы Владислав Резник — еще один член «Клуба горных охотников», который сам [обращался](#) в 2018 году в Минприроды с просьбой разрешить добычу исчезающих видов.

— Мне был задан вопрос, возможен ли компромисс между охраной редких видов и охотой на них? На самом деле, этой проблемой я занимаюсь достаточно давно. Поскольку я много лет работал в бюджетном комитете Госдумы, в финансовом комитете, то прекрасно понимаю: чтобы осуществлять какую-либо деятельность, необходим достаточный бюджет. Средств, выделяемых на охрану редких видов, не то что недостаточно — они мизерны. Что такое 8 миллионов на 83 региона? Это можно назвать насмешкой, — заявил Резник. — В 2018 году я

участвовал в охоте в Пакистане на редчайший вид винторогого козла, сулейманского мархура. Я приехал под сильным впечатлением. Там [в Пакистане] существует устойчивая охота на этот крайне редкий объект животного мира. Я начал интересоваться, как это происходит? Выяснилось, что в год выдается лицензия на трех-четыре трофейных самцов. На них большая очередь среди охотников. Спрос очень высокий. При этом стоимость тоже высока, а полученные деньги делятся между федеральным правительством Пакистана и местной общиной. <...> Так вот, одна из лицензий была продана за более чем 200 тысяч долларов. А деньги были направлены на строительство водопровода в общине.

Владислав Резник. Фото: Пресс-служба Госдумы РФ / ТАСС

По словам Резника, люди, видя, что трофейная охота улучшает их жизнь, перестали сами охотиться на мархуров: поменялось отношение к этим животным.

— Правда, есть один негативный факт. Один из хищников, сильно лимитирующих популяцию сулейманского мархура, — снежный барс. На сегодняшний день он сильно страдает от жителей местных общин. Они воспринимают его, в том числе, как угрозу винторогому козлу. В Пакистане сейчас рассматривается возможность введения природоохранных программ, в том числе связанных с охотой на снежного барса, — заключил Резник.

Такая вот цена водопровода.

Татьяна Арамилева тоже часто апеллирует именно к социальным и экономическим факторам: говорит, что охота — это целая индустрия, помогающая зарабатывать деньги, в том числе жителям отдаленных территорий,

что суммы, которые выделяются на охрану краснокнижных видов, несоизмеримо меньше охотничьих субвенций, и потому именно охотники смогут эффективно охранять редких животных. И, пожалуй, главный ее аргумент: охотники заинтересованы в благополучии животных, потому что им нужно охотиться, не будет животных — некого будет стрелять.

Зоолог Виктор Лукаревский с таким тезисом категорически не согласен.

— С этой философией я столкнулся сразу после развала Советского союза. На тот момент я работал сотрудником Сянт-Хасардагского заповедника в Туркменистане, и тогда как раз начиналась мода на трофейную охоту. Самое грустное, что основные группировки трофейных объектов — уриалы, безоаровые козлы — находились на территориях заповедников.

И местные власти не нашли ничего лучше, чем организовывать трофейные охоты на территориях заповедников! — говорит он. — Деньги тоже якобы шли на природоохранные мероприятия. Но есть нюанс. Охотники утверждают, что берут самых старых самцов, которые уже фактически являются использованным материалом. На самом же деле они изымают из популяции лучший генофонд вида. Лучший! С лучшими рогами, самых крупных. И изъятие лучшего из генофонда приводит к деградации популяции. Об этом есть несколько научных публикаций. Это одна сторона. Но есть и другая. За все эти годы я видел только одно достойное охотхозяйство — в Таджикистане. За четыре часа в моем поле зрения оказалось более 2000 архаров Марко Поло. Там организована охрана, рабочие места для инспекторов. Я не спорю, такие хозяйства могут быть, но, к сожалению, это исключение. В России я ни одного такого не видел.

Винторогие козлы (мархуры). Фото: Антон Новодережкин / ТАСС

— Я не знаю, где в нашей стране может сработать сохранение видов через трофейную охоту. Особенно если учитывать, что охотники врут: даже когда они говорят, что отстреливают старых самцов, которые уже вышли из репродуктивного возраста и потеря которых не нанесет ущерба популяции, это неправда. Все реальные специалисты по крупным млекопитающим говорят, что популяционное значение старых самцов очень важно. Они водят стада, они обладают большим опытом. Если они дожили до таких крупных рогов, значит, они наиболее способны к выживанию. И отстрел одного такого самца может привести к развалу стада. Поэтому, конечно, в любом случае эта охота наносит ущерб, — говорит Михаил Крейндлин.

Какими будут развитие охоты и охрана редких видов в России при новом директоре охотничьего департамента, покажет время. Пока новая должность Татьяны Арамилевой вызывает в природоохранном сообществе большую тревогу.

P.S. В ведении департамента охоты теперь находится не только Красная книга животных, но и Красные книги растений и грибов России. Собеседники «Новой» затрудняются сказать, какой может быть их судьба — по их словам, Арамилева никогда не специализировалась на растениях и грибах: соответственно, с одной стороны, не имеет особой заинтересованности в их «добыче», а с другой стороны, может не понимать их ценности. На Петербургском юридическом форуме ее сын Сергей Арамилев назвал краснокнижным растением ландыш, заявив, что не понимает, как можно сопоставлять его по ценности, например, с амурским тигром. Татьяна Арамилева не поправила его: ни сказав, что редкие растения тоже ценны, ни отметив, что ландыш к краснокнижным видам не относится.
